

Переводчик: Антония

Мо Цяньсюэ только что вошла в дверь, когда услышала холодный повелительный голос изнутри: "Асан, иди и разбивай окскарт!".

С "бумом" позади, который заставил Мо Цяньсю ошарашить, окскарт, который только что забрал ее домой, уже был разбит на куски.

"Нин Шаоцин"! Ты с ума сошел?" Мо Цяньсю не понял, что происходит. Утром он был милым, но что заставило его стать таким сейчас? Она чувствовала себя обманутой и угрожала: "А как насчет того, чтобы убить и быка?"

"О, моя дорогая, я не могу не согласиться с тобой. Асан, иди и убей быка". Холодный голос Нин Шаоцина зазвонил сразу после вопроса Мо Цяньсюэ.

Перед тем, как Асан подошел к быку, Ау, стоявший рядом, поднял ладонь и хлопнул ею, как ножом по шее быка. Безо всякого крика он мгновенно рухнул на землю.

Теперь Мо Цяньсю был действительно ошарашен. Что, черт возьми, происходило?

В ярости ее голос дрожал: "Ты... ты... Запрещено убивать быка наедине". Ты... ты преступник..." Мгновенный непредвиденный инцидент лишил Мо Цяньсюя речи.

Аву встал на колени, докладывая: "Госпожа, бык умер от истощения, так как в последнее время он каждый день выходил на улицу. Если не верите, выписывайте чек". Конечно, он ясно дал понять, почему Господь ударился о потолок.

Аву сейчас делал то, что выбирал себя из драмы.

Что касается леди, то с ней все будет в порядке. Господь не сделал бы с ней ничего серьезного.

Отчет Асу заставил Мо Цяньсю впасть в ярость. Она была в такой ярости, что ее голос даже перестал дрожать: "Хорошо! Вы, ребята, издеваетесь надо мной вместе, да?!"

Без всяких прелюдий, он внезапно сыграл жестко с ней и позволил ей потерять лицо перед ними.

Что он имел в виду?

Только вчера он признался, назвал ее милой и пообещал провести с ней остаток жизни. Сегодня он снова начал играть в это, да?

Если бы она была взята им в этот момент, должна ли она лежать на земле, тащить его за ноги и с горечью умолять его: милорд, не сердись на меня. Это все моя вина...?

Видя, что дама была так расстроена, Аву и Асан обменялись взглядами и, воспользовавшись случаем, когда лорд и дама были устремлены друг к другу глаза, ускользнули.

"Иди сюда!" Нин Шаоцин прозвучало замерзающе. Его лицо было темным, как темное облако, которое обернулось грозой. Ужасно!

Больше всего он ненавидел обман.

Несмотря на то, что он своими глазами видел, что она ведет себя интимно с другим мужчиной, в такой ярости, он все же был готов доверять ей и дать ей шанс объяснить.

Просто, фигура этого тонкого человека и озабоченность, которую она проявила по отношению к нему, а также то, как она говорила и улыбалась ему ударил Нин Шаоцин с беспокойством и дискомфортом.

Он по-детски планировал, что если телега и бык исчезнут, она не сможет выйти снова.

Мо Цяньсюэ был озадачен этим штормовым лицом.

Она просто не могла понять, зачем?

Она была человеком, который знал, что нужно действовать гибко и не любил силового противостояния.

И все же, в таком случае, у нее не было другого выбора. Он кричал на нее, а теперь хотел, чтобы она была послушной кошкой? Ни за что!

Вообще-то, Мо Цяньсюэ знал темперамент Нин Шаоцина. Он определённо снова пил определённый уксус. Был ли один раз, когда он разозлился из-за чего-то другого?

Сказав это, она почувствовала, что ее приговорили напрямую, не имея возможности объяснить, когда он мгновенно убил быка и разбил повозку.

Нечестно!

Мо Цяньсюэ также надел холодное лицо. Вместо того, чтобы идти к нему, она села на корневую скульптурную скамейку, сделанную студентами, и спросила: "Кем ты себя возомнила, что

можешь меня так толкать?"

Утром они договорились, что после того, как она вернется, она расскажет ему все, что происходило в эти дни. К счастью, Тонг Цзицзин поправлялся. Это не считалось бы ломаными словами, если бы она сказала Нин Шаоцин сейчас.

Но с таким отношением к нему она предпочла бы не рассказывать ему!

"Кто я? Я дам тебе знать, кто я!"

Мо Цяньсю не двигался, поэтому Нин Шаоцин подошел к ней, принес свой морозный шторм.

Мо Цяньсю разоблачал в тайне, что каждый раз говорил это. Он мог придумать что-нибудь еще, чтобы напугать ее? Но когда она подняла глаза, то нашла его более буйным, чем в прошлый раз. Когда ее сердце рухнуло, она сразу же отвалила.

"Нин Шаоцин! Если ты осмелишься надрать мне задницу еще раз, я позволю тебе всю жизнь сожалеть об этом".

Этот человек, похоже, пристрастился к тому, чтобы надрать ей задницу. Если он привык к этому в будущем, как она могла спасти свое лицо?

Мо Цяньсю догадался, что Нин Шаоцин остановится, если она разозлится по-настоящему.

Тем не менее, Нин Шаоцин не замедлил пойти по его стопам, а лишь взглянул на ее тонкую белую шею.

"Ладно, я не надираю тебе задницу, я..."

Мо Цяньсю внезапно запаниковал, когда Нин Шаоцин бросился держать ее на руках и показал острые зубы: "Ты не можешь укусить и меня..."

"Это хорошая идея. Я не думал об этом только что." Тон был ласковым, но он сказал это, скрежещу зубами: "Так что, милая моя, ты любишь кусаться".

Он не думал об этом? Какая ложь! Мо Цяньсю сжимала кулаки. Сказав это, она мгновенно захотела покончить с собой. Разве это не было признаком компромисса?

Нин Шаоцин прижал лицо к шее Мо Цяньсю и прошептал: "Цяньсю, твоя шея выглядит аппетитно".

Сердце Мо Цяньсю было загнано в угол холодом. Вкуснятина? Просто кусай, вкусно это или нет! Может, добавить приправ? Какая пытка!

Тем не менее, он уже не выглядел сердитым... Ой! Больно!

Он действительно укусил!

Когда она боролась, серебряная заколка в волосах Мо Цяньсюэ отвалилась, черный шелк капал как водопад с удалением последней оковины.

Длинные висячие волосы, в глазах Нин Шаоцина, имели труднодоступный вид соблазнения.

Он удалил зубы с ее шеи, причесал пальцами волосы и, уступив, покачал головой. В конце концов, он не отказывался причинять ей боль.

Его ярость просочилась наружу после всех этих разбиваний, угроз и укусов.

Но Мо Цяньсю так не думал.

Ее шея все еще горела от его укуса. Поэтому она вообще не хотела с ним разговаривать. Подняв руку, она отшлепала руку по волосам и посмотрела в сторону.

Он пожелал ей спокойного конца и прощения, просто лаская ее волосы после всей этой драмы?

Нин Шаоцин снова поднял руку, и Мо Цяньсюэ снова дал ей пощечину.

Они застряли в повторении движения.

Через некоторое время Нин Шаоцин, наконец, не смог этого вынести, неся Мо Цяньсюэ на плече и идя к ним в комнату.

Мо Цяньсюэ, взволнованный, похлопал его по спине: "Что... чего ты хочешь? Ты сумасшедший!"

Нин Шаоцин чихнул: "Если я сошёл с ума, то ты сводишь меня с ума".

Несмотря на застенчивое сопротивление Мо Цяньсюэ, он запер ее машущими руками и носил на руках.

Войдя в их комнату, он положил ее в кресло и помог причесать ее волосы в ее обычный стиль.

Мо Цяньсюэ спокойно посмотрела в зеркало, чтобы посмотреть на себя, а также на мужчину, делающего ей прическу. Хотя его лицо сохраняло холод, нежность и любовь просачивались из его глаз.

Эта сцена, как чистая родниковая вода, пронизана полем ее сердца.

Очень вероятно, Нин Шаоцин, благородный лорд, никогда не делал волос ни для одной женщины, поэтому ему потребовалось много времени, чтобы закончить простую прическу деревенской женщины.

По окончании он долго вздохнул: "Пожалуйста, расскажите мне все о том, что происходило в особняке Тонг".

Признавая, что замужней женщине действительно неподобающе каждый день бегать по дому, Мо Цяньсюэ тоже перестал с ним бороться.

Поэтому она начала рассказывать ему о ненавистном мистере Тонге, который был упрямым суровым человеком, любившим своего сына, но в неправильном свете, и обвинил его в глупом отце в мире...

Потом она говорила о бедном Тонг Цзицзине, невинном умном, но несчастном ребенке...

Наконец, она рассказала ему о том, как она обращалась с Тонг Цзицзин, о том, как многого добился бедный мальчик, как был бык-головый мистер Тонг и так далее. Конечно, она не осмелилась упомянуть тот факт, что держала господина Тонга за руку.

<http://tl.rulate.ru/book/14777/846021>